

ТАНАТОГРАФИЯ ЭРОСА: РАССКАЗ И.А. БУНИНА «ГРАММАТИКА ЛЮБВИ»

Я.Р. Тяпина

Центральной оппозицией, определяющей художественный мир прозы И.А. Бунина 1910-х гг., на наш взгляд, является оппозиция «жизнь – смерть» («этот – тот свет», «бытие – инобытие», «Аполлон – Дионис», «Танатос – Эрос»). Сближение и взаимопроникновение этих категорий достигается Буни-

ным путем введения в рамки оппозиции третьего понятия – «любовь». Мы полагаем, что в оппозиции «жизнь – смерть» категория «любовь» выступает в качестве медиума. Данное исследование представляет собой попытку раскрытия особенностей реализации категории «любовь» в рассказе И.А. Бунина «Грамматика любви» (1915).

Любовь для Бунина – это всегда безумие, «древний неистовый «пафос», захватывающий все существо» [1, 218]. О Хвоцинском мы читаем: он “сумасшедший” [2, 259], “сошел с ума” [2, 260], “всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам” [2, 258], “помешан на любви” [2, 258]. Но безумие влюбленного человека вовсе не является психической болезнью и не влечет за собой помрачение психики. Будучи здоровым умственно, человек оказывается бессильным что-либо противопоставить той таинственной силе, которая открывается в нем. «Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно» [2, 263].

При этом любовь становится чем-то неожиданным, не зависящим от осознанного желания. «И вдруг свалилась на него эта любовь» [2, 259]. Сила рода, просыпающаяся в человеке, слепа и безлична, мы даже не вольны выбрать объект своей любви, т.к. стихийная любовь неподвластна пониманию, и всякая осознанность разрушает ее.

Противопоставление любви бессознательной, граничащей с безумием, любви дионисийской и любви аполлонической, рассудочной, становится в рассказе вариантом оппозиции «природа – цивилизация». В гостинной графини любовь, будучи самой популярной темой разговора, кажется чем-то будничным, опошленным, это не то загадочное, волнующее своей святостью чувство, с силой которого сталкивается Ивлев в доме Лушки. Есть в рассказе и еще одна история «любви»: молодой Хвоцинский живет с женщиной – женой дьякона. Образ этой женщины, которая гонит «по лопухам индюшек» [2, 260], то, что она изменяет мужу-священнослужителю, – все эти сниженные детали делают отношения между юношей и женой дьякона слишком реальными, будничными, что несовместимо для Бунина с природой любви.

Любовь предполагает некое обожествление. Если для Ивлева Лушка – существо мифическое, святое, то для Хвоцинского она начинает выполнять функции Бога, т.е. Того, Кто способен организовать хаос, подчинить его единому смыслу. Именно поэтому любовь заменяет собою все, она вырывает человека из этого мира. Хвоцинский уходит из общества, запирается в своем доме. Дом, ставший храмом любви, стоит одиноко в глуши, «на совершенно голом месте» [2, 260], нет вокруг, ни сада ни построек” [2, 260], у дома толстые стены, мало окон, и те невелики. Все это замыкает загадочный дом в себе, сводит к минимуму его связь с миром. Дом подобен тюрьме, но физическая несвобода открывает герою возможность освобождения духовного.

Истинная свобода, по мнению Бунина, проявляется в победе над временем. Абсолютное освобождение достигается только в смерти, т.е. растворении в вечности. Но уже здесь, на этом свете, человек может достичь определенного освобождения, которое осуществляется в трех направлениях: “память, сон (мечта) и воображение, пытающиеся ухватить вечность вечно длящемся застывшем миге” [1, 196].

При доминантной роли категории “память”, очевидно, что все три категории стали определяющими для героя. Мир души, замкнутый на любви, лишается каких-либо хронологических ограничений, что разрушает сковывающую одномерность бытия.

Однако только смерть позволила любви не погибнуть. По мнению Бунина, долгой и счастливой любви вообще не может быть, краткое счастье обязательно должно смениться катастрофой, и это вытекает из самого характера любви. Человек в его реальной обусловленности не в состоянии выдержать долго напряжение высшего счастья. И тогда лучшим выходом становится смерть одного из возлюбленных, потому что иначе катастрофа проявит себя в другом. Любовь для Бунина подобна солнечному удару, но напряжение спадет, и обнаружится полная бессмысленность и трагизм жизни, лишенной этого слепого безумия любви.

Таким образом, смерть Лушки стала той «необходимостью», которая позволила сохранить эту любовь. Она дала Хвощинскому возможность победы над реальностью, над временем, погрузив его в «преданья сладостные» – в потоки памяти, мечты и воображения.

Литература:

1. Мальцев Ю. Иван Бунин: 1870-1953. – М., 1980.
2. Бунин И.А. Поэзия и проза. – М., 1986.